

ПРАВО

УДК 347.121.1 (470)

О.Ш. Аюпов

КОМПЕНСАЦИЯ И ВОЗМЕЩЕНИЕ КАК СМЕЖНЫЕ ПОНЯТИЯ

Настоящая статья посвящена такому важному вопросу в сфере гражданского права, как разграничение и определение категорий «компенсация» и «возмещение». Анализируются схожие и различные элементы этих двух понятий, определяется самостоятельность каждого из них. Кроме того, исследуется вопрос о необходимости их размежевания, в том числе через функции гражданско-правовой ответственности. В частности, исследуется взаимосвязь между указанными категориями и таким условием наступления гражданско-правовой ответственности, как вина. Делается вывод о недопустимости присуждения компенсации без учета вины лица, включая дела о защите чести, достоинства и деловой репутации лица.

Ключевые слова: деловая репутация; компенсация; возмещение.

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) встречаются такие термины, как «возмещение» (ст. 15, 169, 728) и «компенсация» (ст. 12, 151, п. 2 ст. 247, ст. 1099–1101, п. 3 ст. 1252, ст. 1301). Они довольно часто используются в тексте закона. К примеру, в ст. 1082 ГК РФ закрепляется следующее правило: «Удовлетворяя требование о возмещении вреда, суд... обязывает... возместить вред в натуре... или возместить причиненные убытки». Данное положение, бесспорно, помогает лучше уяснить суть изучаемого явления, но вряд ли его можно назвать достаточным и полным для точного его понимания, которое не исчерпывается только обязательствами из причинения вреда. В отношении же компенсации закон еще более скуден и, как правило, воздерживается от какого-либо описания данной правовой категории, ограничиваясь лишь некоторыми частными случаями. Например, в ст. 151 ГК РФ указываются лишь критерии определения размера компенсации.

Кроме того, в ГК РФ встречаются нормы, в которых данные понятия необоснованно смешиваются и между ними ставится знак равенства. Особенно часто это можно наблюдать в отношении компенсации морального вреда. Например, в п. 5 ст. 152 ГК РФ она именуется возмещением. О том, что представленное различие в законе следует трактовать исключительно как ошибку, а не как существование особого способа защиты – возмещения морального вреда, отличного от компенсации морального вреда, писал еще А.М. Эрделевский в 1997 г. В обосновании он указывал, что в ГК РФ отсутствуют какие-либо нормы, регулирующие собственно возмещение морального вреда, а применительно к защите чести, достоинства и деловой репутации в ст. 1100 ГК РФ есть прямое и недвусмысленное указание именно на компенсацию морального вреда [1. С. 104]. К этому следует добавить, что такая редакции статьи обусловлена историческими причинами. Дело в том, что она почти дословно воспроизводит п. 6 ст. 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. (далее – ОГЗ 1991 г.). Подобную ситуацию можно объяснить тем, что в действующем на тот момент законодательстве не было вообще термина «компенсация» морального вреда, а только его «возмещение» (см. например ст. 131 ОГЗ 1991 г.). Но уже в 1992 г. в Законе Российской Федерации «О защите прав потребителей» появляется термин «компенсация».

На настоящий момент редакцию п. 5 ст. 152 ГК РФ вряд ли можно признать оптимальной. Думается, данный недостаток в правовом регулировании должен быть устранен законодателем путем принятия соответствующих поправок.

Помимо ГК РФ, такая путаница в терминологии встречается и в других нормативно-правовых актах. Например, ст. 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации именуется «Возмещение морального вреда», в то же время в самом содержании статьи говорится о «компенсации» (ч. 2). Похожая ситуация и в Трудовом кодексе Российской Федерации. В нем есть специальная статья, посвященная «возмещению» морального вреда (ст. 237), хотя в других статьях используется исключительно термин «компенсация» морального вреда. В Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» используются формулировки «возмещение» морального вреда (п. 1 ст. 63, п. 1 ст. 81, п. 2 и 5 ст. 95) и «компенсация» (п. 4 ст. 134, п. 3 ст. 135).

Необходимо отметить, что некоторые исследователи также допускают необоснованное отождествление указанных понятий, допуская смешение различных самостоятельных правовых явлений. В частности, А.Л. Анисимов использует следующую терминологию: «компенсация (возмещение) морального вреда» [2]. В верности такого подхода возникают большие сомнения.

Помимо компенсации морального вреда, в действующем законодательстве есть и иные случаи необоснованного смешения терминов «компенсация» и «возмещение». К примеру, в ряде статей ГК РФ, посвященных регулированию отношений общей собственности (п. 2 ст. 247, п. 4 и 5 ст. 252, п. 2 ст. 258 ГК РФ). Здесь представляется разумным заменить термин «компенсация» на «возмещение» для придания ГК РФ большей четкости, системности и последовательности. Обоснованность данного вывода подтверждается также ст. 623 ГК РФ, где закреплено правило, согласно которому стоимость неотделимых улучшений, созданных с согласия арендодателя, подлежит возмещению. По сути, данное возмещение идентично компенсации, выплачиваемой сособственнику при невозможности выдела его доли в натуре.

Кроме вышеотмеченных, есть и иные аргументы в пользу тезиса о неравнозначности понятий «компенса-

ция» и «возмещение». Прежде всего, необходимо обратиться к исконному значению этих слов. Компенсация происходит от латинского слова *compensatio*, что в переводе означает возмещение, компенсация, уплата полной стоимости [3. С. 212]. Таким образом, с филологической точки зрения эти понятия тождественны между собой. В то же время необходимо заметить, что в юридической науке важно не столько первоначальное семантическое значение слова, сколько значение правовых категорий, которые обозначаются этими словами. Вследствие этого одни слова и словосочетания, употребляемые в правовом поле, за пределами его обретают совсем иной смысл (например, термин «ссуда» в юриспруденции используется для обозначения безвозмездного пользования имуществом, тогда как вне ее он понимается как синоним кредита). Конечно, желательно, чтобы такого рода расхождений не было, так как это ведет к усложнению юридической материи для ее восприятия человеком, специально не подготовленным, но юриспруденция порой вынуждена идти на подобные шаги для более экономичного, точного и ясно изложения материала. Кроме того, как и любая иная наука, юриспруденция нуждается в своем категориальном аппарате, для целей существования которого, как правило, необходимо, чтобы за каждым словом (термином) закреплялось строго одно значение.

Следовательно, между правовыми категориями «возмещение» и «компенсация» имеются определенные различия, для анализа которых в первую очередь стоит отметить, что при использовании данных терминов имеется в виду определенное предоставление в счет потерь, которые понесла потерпевшая сторона. С помощью них данное предоставление приобретает определенные характеристики, которые влияют, в частности, на ее размер и функцию.

При применении термина «возмещение» ГК РФ акцентирует внимание на следующих его признаках: **1) точности определения; 2) соразмерности; 3) эквивалентности**, а иногда и на **4) ограниченности** того предоставления, которое получает потерпевшая сторона.

При возмещении **точность определения предоставления** объясняется тем, что в данных случаях всегда возможно четко, определенно и однозначно установить размер и объем возмещения. Это можно увидеть, в частности, когда они ставятся в зависимость от стоимости потерянного имущества. Примером здесь может послужить п. 2 ст. 167 ГК РФ: «При недействительности сделки каждая из сторон обязана... в случае невозможности возвратить полученное в натуре... возместить его стоимость в деньгах...». Но и в других случаях, когда законодатель использует термин «возмещение», имеется в виду, что размер предоставления возможно четко и недвусмысленно определить (например, в ст. 504 ГК РФ).

Соразмерность возмещения означает, что размер предоставления будет зависеть, прежде всего, от размера самого вреда как такового, от тех потерь, которые понесла другая сторона. Ни вина, ни имущественное положение причинителя вреда, ни иные обстоятельства, по общему правилу, не влияют на объем подлежащего взысканию возмещения.

При эквивалентности (равнозначности) возмещения имеется в виду, что предоставление, получаемое по-

терпевшим, по общему правилу, всегда должно быть эквивалентно тому вреду, который ему был причинен. Данный вывод иллюстрирует ст. 1064 ГК РФ, закрепляющая принцип полного возмещения вреда.

Ограниченность предоставления является исключением из общего правила об эквивалентности возмещения. Это можно увидеть в п. 1 ст. 15 ГК РФ: «Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков **в меньшем размере**». Также ограниченность возмещения можно наблюдать в целом ряде других статей (например, в п. 1 ст. 547, п. 3 ст. 573, п. 2 ст. 691 ГК РФ).

Другое дело, если мы говорим о «компенсации». Из анализа целого ряда положений ГК РФ можно сделать вывод о том, что при использовании данного термина законодатель подчеркивает либо полную принципиальную невозможность точного определения размера предоставления (в частности, при компенсации морального вреда), либо исключительную его сложность (например, при компенсации в случаях нарушения исключительных прав правообладателя результата интеллектуальной деятельности (п. 3 ст. 1252 ГК РФ)). Прежде всего это связано с характером вреда, т.е. уменьшением того или иного блага (нематериальное благо, исключительное право), которые очень трудно «потрогать» и «пощупать», и со сложностью определения его стоимостного выражения, поскольку такие блага отличаются уникальностью и неповторимостью. В связи с этим представляется неслучайным, например, что выплаты по имущественному страхованию при наступлении страхового случая ГК РФ именуется «страховым возмещением», тогда как при личном страховании, где страхуется уникальная личность человека, данный термин не используется. Таким образом, **размер компенсации определяется всегда неточно, приблизительно.**

Из этого вытекает другая ее особенность. При определении размера компенсации масштаб причиненного вреда не является главным и основным критерием, в отличие от возмещения. Помимо него используется целый ряд других критериев: характер причиненного вреда, последствия и их степень и продолжительность, степень вины причинителя.

На последнем критерии хотелось бы остановиться подробнее. Прежде всего, возникает резонный вопрос: почему при компенсации необходимо определять **степень** вины причинителя, а при возмещении, по общему правилу, нас интересует вина только как условие получения предоставления, без определения ее степени. Думается, что причина здесь в том, что при возмещении определяется **точный** размер потерь, тогда как при компенсации, по причинам, указанным выше, – **примерный**. Для потерпевшего при возмещении, например, убытков, в принципе, не имеет большого значения, с каким умыслом они были ему причинены. Если он докажет размер убытков и наличие остальных условий наступления ответственности, то он сможет возместить все потери, понесенные от другой стороны, но ни рублем больше. Поэтому к возмещению как таковому гражданский оборот относится спокойно и на его стабильность это не влияет. Все его субъекты могут достаточно четко определить последствия совершения

тех или иных действий и точно оценить свой риск. Компенсация же – явление нестандартное, атипичное. И здесь вина обретает качественно иные черты. От нее зависит не просто наступление гражданско-правовой ответственности как таковой, но и ее объем. При компенсации взыскать могут больше или, наоборот, меньше, в результате достижение баланса интересов становится почти невозможным: кто-то обязательно будет в выигрыше, а кто-то в проигрыше. Поэтому для гражданского оборота это необычная ситуация, она дестабилизирует его, нарушает его гармонию. В связи с этим компенсация, помимо восстановительной функции, выполняет еще и карательную (штрафную), наказывая правонарушителя не только за вред, причиненный конкретному лицу, но и, прежде всего, за вред гражданскому обороту в целом, для того чтобы предотвратить и не допустить данное правонарушение вновь (превентивная функция). Подтверждение штрафного характера компенсации можно найти также в п. 1 ст. 1064 ГК РФ, где закрепляется правило, согласно которому законом или договором может быть установлена обязанность причинителя вреда выплатить потерпевшим компенсацию **сверх** возмещения вреда.

Таким образом, при применении компенсации происходит своего рода наказание причинителя вреда, а при любом наказании для его эффективности и соразмерности надо обязательно знать степень вины лица.

Данный вывод подтверждается и практикой высших судов. В совместном постановлении Пленумов Верховного Суда РФ № 5 и Высшего Арбитражного Суда РФ № 29 от 26.03.2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса РФ» был разъяснен вопрос о критериях определения размера компенсации при нарушении исключительных прав правообладателя. В ст. 1252 ГК РФ определение такого размера ставится в зависимость только от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости. В п. 43.3 вышеназванного постановления закрепляется следующее разъяснение: «Размер подлежащей взысканию компенсации должен быть судом обоснован. При определении размера компенсации суд, учитывая, в частности, характер допущенного нарушения, срок незаконного использования результата интеллектуальной деятельности, **степень вины** нарушителя, наличие ранее совершенных лицом нарушений исключительного права данного правообладателя, вероятные убытки правообладателя, принимает решение, исходя из принципов разумности и справедливости, а также соразмерности компенсации последствиям нарушения».

Таким образом, высшие судебные инстанции подчеркнули важность определения именно степени вины как критерия определения размера компенсации, даже если он прямо не упомянут в тексте закона.

Здесь стоит отметить, что случаи, когда степень вины не учитывается при определении размера компенсации, являются исключениями. Они, в частности, приведены в ст. 1100 ГК РФ, в которой закреплен перечень случаев, когда компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда. Думается, что законодатель необоснованно включил в

данный перечень и ситуацию, когда вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию (диффамацией). С данным законодательным положением, на наш взгляд, нельзя согласиться, потому что происходит полное уравнивание лица, который умышленно распространяет порочащие и несоответствующие действительности сведения, и того, кто в силу невнимательности, поспешности, т.е. неосторожности, допустил диффамирующее высказывание. Особенно ярко недопустимость такого принципа невиновной ответственности проявляется в сфере деятельности средств массовой информации. Профессия журналиста имеет достаточно высокое социальное значение, так как она призвана обнажать «острые углы» нашего общества, государства, является «сторожевым псом демократии». В процессе такой деятельности невольно может появляться диффамация. Но одно дело, когда журналист грубо нарушает Закон о СМИ, в частности в обязанности проверять достоверность информации и не злоупотреблять своими правами (ст. 49, 51 Закона о СМИ), и совсем иное, когда он добросовестно заблуждается в истинности тех или иных суждений.

Для защиты журналистов и СМИ от необоснованных диффамационных исков в законодательстве РФ существует ст. 57 Закона о СМИ, устанавливающая случаи освобождения средства массовой информации от ответственности за диффамацию. К таким случаям, например, относится распространение сведений, полученных от информационных агентств. Бесспорно, данная норма играет важную роль в обеспечении СМИ правом на свободу распространения информации. Но достаточно ли одной этой «привилегии» для эффективного функционирования СМИ в демократическом государстве, к идеалу которого так стремится сейчас Россия? Думается, что нет.

Необходимо подчеркнуть, что 30 марта 1998 г. Россией была ратифицирована Европейская конвенция о защите прав и основных свобод и протоколы к ней. В силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ их действие стало распространяться и на территорию нашей страны. При этом положения этих норм должны толковаться в соответствии с правовой позицией Европейского Суда по правам человека, выраженной в его решениях и постановлениях. Данное обстоятельство было особо подчеркнуто в преамбуле Постановления Верховного Суда РФ от 24.02.2005 №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

В связи с этим представляет интерес правовая позиция Европейского Суда по правам человека по вышеуказанной ситуации. Он считает, что одна лишь констатация «несоответствия действительности» распространенных сведений не должна повлечь ответственность прессы за диффамацию. Доказательство того, что журналист принял меры к тому, чтобы удостовериться в истинности полученной информации, Европейский Суд считает важным доводом, влияющим на степень ответственности за диффамацию. Кроме того, он выработал и иные «льготы» для СМИ. В частности, Г.М. Резник и К.И. Скловский приводят следующие случаи, в которых СМИ предоставляется большая защита от диффамационных исков:

- статус диффамационного лица;
- цель публикации;
- срочность освещения вопроса [4. С. 28–35].

Невооруженным глазом видно, что правовое регулирование свободы выражения мнения на национальном и международном уровнях различно. Для устранения двойного стандарта и унификации норм предлагаем либо **исключить полностью абзац 4 из ст. 1100 ГК РФ, закрепляющий компенсацию морального вреда независимо от вины причинителя вреда, в случае когда вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, либо исключить из действия данной нормы случаи, когда ответчиком по диффамационным искам выступает средство массовой информации.** Для оптимального решения данного вопроса возможно не просто введение виновной ответственности за диффамацию, но также **введение ее степени – грубой неосторожности, но только, опять же, для средств массовой информации.**

В итоге хотелось бы отметить, что в современном законодательстве России случаев применения компенсации становится все больше. Например, Федеральным

законом от 19.07.2009 № 205-ФЗ, внесшим, в частности, изменения в ч. 1 ст. 98 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, благодаря которым лица, чьи права и (или) законные интересы были нарушены обеспечением иска, после вступления в законную силу судебного акта арбитражного суда об отказе в удовлетворении иска вправе требовать от лица, по заявлению которого были приняты обеспечительные меры, не только возмещения убытков, как предусматривала прежняя редакция, но и выплаты **компенсации**. Вспомним также недавний Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», в котором опять же используется термин «компенсация».

В связи с этим необходимо отметить все возрастающую роль и значение компенсаций в усложняющемся гражданском обороте, для нужд которого использование только лишь возмещения становится явно недостаточным. Следует надеяться, что в научной литературе вопросы о сущности компенсации и возмещения будут подвергнуты более детальному изучению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эрделевский А.М. О компенсации морального вреда юридическим лицам // Хозяйство и право. 1996. № 11. С. 102–109.
2. Анисимов А.Л. Честь, достоинство, деловая репутация под защитой закона. М. : Норма, 2004. 224 с.
3. Латинско-русский и русско-латинский словарь. М. : Флинта, 2009. 744 с.
4. Резник Г.М., Скловский К.И. Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ / под общ. ред. К.И. Скловского. М. : Статут, 2006. 270 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 июня 2011 г.